

© Светлана Пешкова

МОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКА СУЩЕСТВУЮЩИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЭТНОГРАФИЕЙ/АНТРОПОЛОГИЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ (ЕВР)АЗИИ И (ПОСТ)КОЛОНИАЛИЗМОМ

Ключевые слова: колониализм, Российская Империя, Центральная (Евр)Азия, этнография, антропология, Туркестан, степь, история

Между этнографией/антропологией Центральной (Евр)Азии и колониализмом существуют сложные и на первый взгляд парадоксальные связи. Имперские амбиции России и завоевание региона помогли наделить этнографию законным статусом как научную дисциплину. В то же время, описывая различия между людьми и бытом (образом жизни), чувствами и ценностями этих периферийных населений, этнография Центральной (Евр)Азии всегда противоречила, даже если и не намеренно, предположению об универсальности, когда речь шла о европейских, российских или советских ценностях и соответствующих цивилизаторских миссиях.

Между этнографией/антропологией Центральной (Евр)Азии и колониализмом существуют сложные и на первый взгляд парадоксальные связи¹. В данном исследовании я предлагаю краткий обзор роли дисциплины в российском/русском имперском проекте. Хотя такие ученые, как Франсин Хирш (2005), рассматривают роль дисциплины в формировании СССР и проекте государственного объединения, нам еще предстоит провести критический анализ влияния этнографии/антропологии Центральной (Евр)Азии на создание постколониальных наций и национализма. Изучение отношений между этнографией/антропологией и российским/русским имперским проектом является непростой задачей. Ниже я привожу общий обзор этой проблематики и критически рассматриваю связи и отношения между этой дисциплиной и органами власти и контроля. Внутренняя критика этнографии/антропологии необходима, если мы хотим, чтобы наши исследования были важны для жителей Центральной (Евр)Азии, а не только для правителей стран региона и России – правопреемницы СССР. Для пересмотра и переосмысления этнографии/антропологии будущего необходимо считаться с ее прошлым. Ниже представлена моя попытка выполнить обе задачи.

Светлана Пешкова. Кафедра антропологии, Университет Нью-Гэмпшир, Штат Нью-Гэмпшир, США. s.peshkova@unh.edu. <https://orcid.org/0000-0002-0067-8829>.

Для цитирования: Пешкова С., Мое мнение и оценка существующих связей между этнографией/антропологией Центральной (Евр)Азии и (пост)колониализмом // Антропологии/Anthropologies. 2022. No 1. С. 52-67. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/52-67>

***

Данное эссе отражает мою научную подготовку как социокультурного антрополога в США в начале 2000-х годов, хотя моя первая *альма матер* – это Пятигорский педагогический институт в середине 1990-х годов. Два русских термина «этнография» (эмпирическое/описательное исследование) и «этнология» (сравнительное/аналитическое исследование) описывают то, что я знаю, чем занимаюсь и что исследую. А. Елфимов (2007: 78) утверждает, что «этнология» является наиболее подходящим термином для обозначения «культурной антропологии» в США, «социальной антропологии» – в Великобритании и «этнологии» – во Франции. На факультете антропологии, где я училась, гордятся сбалансированным сочетанием культурной и социальной антропологии, прослеживая становление дисциплины в трех школах, представленных Францем Боасом (ум. в 1942) в США, Брониславом Малиновским (ум. в 1942) в Великобритании и Клодом Леви-Строссом (ум. в 2009) во Франции. К сожалению, на моем факультете не было экспертов в российской и советской этнографии, этнологии и археологии. Я планировала исследовать бывшее постсоветское пространство Кавказа и Центральной (Евр) Азии. В итоге все свои знания об истории российской и советской этнографии, этнологии и археологии Центральной Евр(Азии) я приобретала самостоятельно². Мои работы, как социокультурного антрополога, оказывают явное и скрытое воздействие на население Центральной (Евр) Азии. И как коллеге постсоветских антропологов в США, России, Европе и Центральной Азии, мне приходится считаться с прошлым дисциплины и своей идентичностью как ученого. Следовательно, мой ответ на поставленный вопрос следует рассматривать именно в этом свете. В данной статье я пользуюсь руководством А. Елфимова (2007) и использую термин «этнография» для обозначения досоветской этнографии, советской этнографии, постсоветской этнологии, а распространенный в последние полтора десятилетия в русскоязычных академических кругах термин «антропология» – как обозначение исследований, направленных на описание и понимание разнообразия человека/людей и общества³.

Я перефразирую мысль Эдуара Глиссана (1989): Российская империя и СССР были не просто отметками на карте; как и другие европейские империи, они были идеологическими и дискурсивными проектами и процессами. Этнография Центральной (Евр) Азии действительно была инструментом, а не порождением российского и советского колониализма и империализма и, в значительной степени, продолжает им оставаться в руках любого местного националистического проекта на постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Самобытность Российской и Советской империй отличалась «образной/воображаемой географией», поддерживаемой этнографическими исследованиями, которые пред(о)ставили инструменты для построения «географии управления – набора сложных механизмов социального, политического и экономического контроля над периферийными территориями и субъектами» (Trouillot 2003: 2–3). В то же время имперские амбиции России и завоевание региона помогли этнографии стать дисциплиной и наделили ее законным статусом. Следовательно, рождение Российской империи и появление этнографии как дисциплины произошли одновременно, и отношения между империями и этнографией чрезвычайно запутаны. Однако описывая различия между людьми, быт (образ жизни), чувства и ценности этих периферийных групп населения, этнография Центральной (Евр) Азии всегда противоречила, даже если и не намеренно, догматам универсальности, шла ли речь о европейских, российских или советских ценностях и соответствующих цивилизаторских миссиях. Я подробно останавливаюсь на этой, казалось бы, парадоксальной роли дисциплины как отправной точки для более рефлексивного осмысления истории этнографии Центральной (Евр) Азии и ее будущего.

Рождение империи

Как дискурсивно-идеологические проекты и процессы, империи появляются не только в результате завоевания территорий и применения грубого насилия, но и, что более важно, с помощью классификационных систем (таксономий), которые обеспечивают их рождение и выживание. Еще в XVII–XVIII вв. российские, американские и европейские этнографы/антропологи начали создавать и/или усовершенствовать данные классификации. Они исследовали, документировали и классифицировали различия, особенно те, что касались образа жизни населения и природных ресурсов на окраинах империй (*Slezkine 1994*)⁴. В свою очередь, данная деятельность привела к институализации этнографии как отдельной дисциплины с собственными методами, способами производства знания и связями с другими дисциплинами. Например, в Советском Союзе этнография была тесно связана с философией и историей, а в досоветской академической среде – с географией. В этом смысле империя и этнографические академические усилия по классификации являются взаимно информативными. Другими словами, империя и этнография взаимосвязаны.

Конечно, этнографические практики предшествовали рождению этнографии/ антропологии как академической дисциплины. С помощью таких практик к середине XIX в. мир был разделен на колонии, империи и/или зоны влияния. По мнению гаитянского ученого и антрополога Мишеля-Рольфа Труйю (*Trouillot 2003: 19*), предпосылкой появления данной дисциплины было не изучение различий, а их создание. Вслед за Эдвардом Саидом (*Said 1988*) я хотела бы отметить, что создание различий сопровождалось еще одним процессом – созданием собственного «Я», в нашем случае Российской империи. Со времен Петра Великого, который стремился превратить Россию в европейскую страну, образная/воображаемая география России как империи формировалась в основном за счет (псевдо)этнографических рассказов военных, наемников, торговцев и путешественников как иностранных, так и русских. Благодаря натуралистическим и (псевдо)этнографическим описаниям и классификации «Инаковости», в которых содержатся различные рассказы, начиная с изображений птиц, животных и растений в XVII в. и заканчивая изображениями народов и человека/человечества/людей и их быта в XVIII в., Россия смогла представить себя растущей и организованной империей и осознать собственное «Я» (*Slezkine 1994: 171*).

Для существования Российской империи нужно было представлять ее территорию как единое целое со множеством подданных, которых, в свою очередь, империя могла называть и определять как подданных и управлять ими. Такое представление также способствовало решению и обоснованию того, кто (и почему) должен быть включен в империю и/или исключен из нее, а также подтверждению и/или созданию социальных, экономических и географических/ картографических границ и иерархий. Согласно географии представленной/воображаемой империи, созданной с помощью этнографии, такие периферийные территории, как Центральная (Евр)Азия, их субъекты и регионы, безусловно, отличались от и были на порядок ниже Имперского Центра.

Именно из-за этого различия Центр осознал свое расположение – свою центральность – по отношению к регионам (перифериям). Конечно центру всегда было сложно натягивать «короткую, плотную кожу» единства на «гигантское (разнообразное) тело» империи (*Anderson 1983: 86*). Прежде чем растягивать эту кожу, ее нужно было создать, вообразить. Воображение, соиздание и расширение – это взаимообусловленные процессы, когда речь идет об империи и/или государственном строительстве. Например, чтобы этно-религиозные группы смогли стать

органической частью Российской (или Советской) империи, требовалось представить/вообразить их, их будущее и прошлое, и выработать общее понимание того, что такое Российский/русский (или советский). В этом смысле цивилизаторские миссии Российской и Советской империй и экономическое и политическое рациональное использование регионов, таких как Центральная (Евр)Азии, были не только оправданы, но и определены с помощью псевдоэтнографических и, позднее, собственно этнографических исследований.

Безусловно, этнографы, как и ученые в целом, не были единственными архитекторами Российской (или любой другой) империи. Философы, политики, чиновники, военачальники и великие деятели литературы – они все не только отражали но и оказывали огромное влияние на формирование образной/воображаемой имперской географии и ее системы управления. Например, в своей работе Энн Дуайер (*Dwyer* 2012) рассказывает, что русских писателей, включая Федора Михайловича Достоевского, очень волновала имперская идентичность и государственное строительство⁵. Как известно, в 1881 г., после взятия русской армией Геок-Тепе (Туркестан), в газетной колонке Ф.М. Достоевский написал торжественную оду, в которой подчеркнул важность завоевания Центральной Азии как рождения новой России. Он писал: «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение <...>. Где в Азии поселится “Урус”, там сейчас становится земля русской. Создалась бы Россия, которая бы и старую возродила, и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила» (цит. по: *Geraci* 2010: 361).

Образная/воображаемая география Ф.М. Достоевского не только показала существующее неравенство между Россией и другими европейскими империями, но и прославила военные победы и попытку покорения «Других» (народов и земель) как определяющую черту ее имперской идентичности.

Как колко замечает Юрий Слезкин (*Slezkine* 1994), в России XVIII в. ученые уже не просто описывали удивительные земли, животных и народы, но начали уделять больше внимания «принципам» (классификации). Они понимали, что существуют различные образы жизни, и свели их к четким категориям не только в географическом и топографическом планах, но, что более важно, в гносеологическом. В результате они создавали порядок посредством описания, сравнения, оценки и, конечно, иерархии. Когда речь шла о человеческих сообществах, данные принципы включали (само)название, язык, место жительства (например, степь), отношение к земле (например, сельское хозяйство), веру (например, мусульманскую), потребление и производство продуктов питания, правила и ритуалы продолжения рода, а также формы/виды правопорядка. Описание, сбор и изучение материальной культуры (артефактов, предметов) сыграли важную роль в формулировании и следовании этим принципам. Они показывали существенность различий, которые после привели к появлению археологии как специализированной дисциплины. Личные коллекции российских путешественников, военачальников, ученых, а позднее и музеев – этих хранителей курьезов – свидетельствуют об интересе к материальной культуре (*Simmons* 2016: 1)⁶. В советской этнографии нарративы о различиях также подтверждались предметами быта (например одежда) и утвари (например посуда). Материальная культура и ее политическое использование также очевидны и являются неотъемлемой частью современных национальных/националистических проектов в Центральной (Евр)Азии и других странах. Например, концепция национальной/традиционной одежды как архетипа из определенного места и времени часто преподносится и используется как «национальный (в значении «вечный») костюм народа X».

Разделение мира в соответствии с этими принципами привело к появлению «территориального принципа этнической классификации», а также понятия обычая, нации, культуры

и этноса и их связи с духовными и нравственными качествами людей и обществ (*Slezkine* 1994: 174–175)⁷. При проведении сопоставления и сравнения разных народов, их образа жизни и населяемой территории создатели этнографической классификации XVIII в., безусловно, способствовали появлению устойчивых стереотипов, например, таких как «грубые и упрямые» казаки и/или «нечестные, хитрые, ловкие и грубые» татары (*Даль* 1991: 392, *Slezkine* 1994: 177). Однако классификация привела даже к большому – созданию эпистемологических категорий наций и национальностей и концепции этноса, у которых было биологическое, психологическое и территориальное обоснование. Концепция этноса оказывается осталась актуальной и во втором десятилетии XXI в. особенно в политической риторике (например, упоминания об этносе у президента В.В. Путина в: *Anderson and Arzyutov* 2019: 752).

Сравнивая себя с другими европейскими империями, их таксономиями, представлениями о морали, сексуальности, различиях и девиантности, Российская империя стала прилагать больше усилий в рамках колониальной политики, для изменения местных нравов и образа жизни в столице и регионах. Для установления порядка в Империи требовалась общая мер(к)а⁸. Именно посредством существующих российских ценностей – так похожих на европейские, но все же отличающихся от них – с точки зрения религии, отношения к земле и обычаям, проводилась оценка различий: «Иной/иная» периферии противопоставлялся/ась и сравнивался/ась с центром «Я». Таким образом, создавались, проектировались и закреплялись социокультурные и физиологические иерархии и их характерные черты (как внутренние особенности)⁹. Другими словами, благодаря применению сравнительного подхода в научном анализе этнографических описаний, люди и общины были классифицированы по уровням иерархического расположения в зависимости от их отношения друг к другу и к русским («почти» европейским) ценностям, религии и обычаям, и отнесены к «отсталым» или «цивилизованным». Следовательно, изучение нерусских народов – как профессиональный и имперский проект – способствовало написанию истории самой России: империя возникла как российское национальное государство, основу которого составляло «единство территории, народа, языка, государства и имени/названия», что, в свою очередь, помогло вписать «Россию» как империю – как «Я» – в универсальную историю (*Slezkine* 1994: 188–189). Доказательством данных усилий и процессов служат грандиозные развлекательные мероприятия для российской элиты в XVIII в., включая проведение выставок предметов быта различных народов и публикация четырехтомного «описания» Иоганном Готлибом Георги восьмидесяти народов империи, в основе которого лежали заметки Йохана Питера Фалька (см. реплику Андрея Головнева в: *Anderson, Arzyutov* 2019: 756). С другой стороны, как напоминает Ю. Слезкин (1994, 177, 188), в XVIII в., благодаря стремлению описать и оценить «Иного» с точки зрения этнографии, ученые пришли к важному осознанию эмпирического разнообразия и различий образа жизни. Это осознание и стало вызовом существующим метанарративам всеобщего прогресса, и в XIX–XXI вв. привело не только к социально-политическим переменам, но и естественному и, в конечном счете, культурному релятивизму и саморефлексии в этнографии.

Этнографическое вписание Туркестана в состав Российской империи

Посредством завоевания территорий и подписания договоров в XVIII и XIX вв. Российская империя постепенно взяла под свой контроль различные группы населения, в том числе кочевников казахской степи и «инородцев» других частей Центральной (Евр)Азии, также известных как «русский Туркестан». Кажущаяся пустой и безлюдной степь привлекала предприимчивых и жаждущих земли поселенцев (*Sabol* 2017). Этими новыми подданными империи –

инородцами, кочевниками и поселенцами колоний – нужно было управлять. Этнографические знания играли центральную роль в такой системе управления.

В 1864 г. российские войска заняли Чимкент (Шымкент), город Кокандского ханства (1709–1876), одного из трех политических образований в то время в Туркестане (*Abdurakhimova* 2002). К 1880 г. Российская империя полностью захватила Кокандское ханство. Два других главных центра власти – Хивинское ханство (1511–1920) и Бухарский эмират (1785–1920) – стали российскими протекторатами (*Bobrovnikov* 2006). Завоевание земель было логическим завершением образной/воображаемой географии империи. В свою очередь, имперская география управления в Центральной (Евр)Азии, как совокупность сложных механизмов социально-го, политического и экономического контроля над периферийными имперскими территориями и субъектами, отражала существующие и обосновывала будущие этнографические знания.

Несмотря на то, что важно не смешивать воедино путевые заметки, другие подобные (псевдо)этнографические отчеты и этнографию XIX в., все эти труды не только подтверждали уже существующие стереотипы о местном населении, но и способствовали их появлению. Основываясь главным образом на (псевдо)этнографических отчетах, ученые предполагали, что кочевые «киргизы» (присвоенная категория для местных народов, которые позже были разделены на киргизов и казахов) будут отнесены к отсталым и варварским народам. Их и «жестоких туркменских налетчиков» цивилизаторы империи должны были спасти от отсталости любой ценой, включая физическое насилие. Например, для А.И. Левшина (1832), чьи заметки часто относят к этнографическим (на мой взгляд, лишь из-за описательного повествования), изначально «киргизы» представлялись «благородными дикарями». Позже он стал считать их грубыми, жестокими и ленивыми. Левшина часто называют социальным мыслителем, писателем, историком и этнографом, но он неоднозначно относился к данному региону и его народам. Даже несмотря на то, что Левшин иногда представлял эти народы в выгодном свете, он называл их традиции и быт архаичными пережитками давно ушедшего прошлого и относил их к «эпохе патриархов», точно так же, как курдов и бедуинов. И точно так же, как и курды и бедуины, из-за социокультурных особенностей киргизы были полезны только в сельском хозяйстве и в качестве военной силы. По мнению Левшина, эти кочевники были «полудикарями», незнакомыми с наукой, а их женщины, в отличие от европейек, были «рождены и воспитаны в рабстве», чтобы быть послушными и зависимыми (*Levshin* 2010). В таком представлении местного населения весьма интересны критерии, используемые автором. В повествовании о них – об «Иных» – отражены его просветительские взгляды и предположения, согласно которым российское видение современности (как «европейское») стало универсальной системой показателей. Левшин использует данную систему для описания и оценки образа жизни, моральных устоев и интеллектуальных качеств степных кочевников и относит их к всегда уже отсталым народам. Как и других ученых и путешественников того времени, автора не интересует вопрос об этом искаженном представлении, и он не задается вопросом, было ли «европейское» универсальным.

Этнографические знания о регионе накапливались не только в текстах, подкрепленных изучением материальной культуры и наоборот; они фиксировались также изобразительным искусством. К.П. фон Кауфман поручил А.Л. Куну и Н.В. Богаевскому создать визуальное представление оседлых и кочевых народов региона. Они, в свою очередь, создали фотоальбом, вторая часть которого, как утверждается, является частью этнографических знаний¹⁰. Несмотря на то, что целью исследователей было рассказать о местных обычаях, постановочные фотографии не отражали повседневную жизнь местного населения. Но именно так – как четкое отражение жизни местного населения – эти фотографии были представлены и считывались

зрителями. Начиная с национальной одежды, быта, свадебных церемоний и заканчивая процессом обработки земли, авторы фотоальбома показывали жизнь кочевников. Особенно выделяется тщательно продуманный внешний вид местных женщин, которые всегда сильно отличались и уступали представительницам «цивилизованной» русской знати. Для многих людей подобные фотографии могли быть (и остаются до сих пор) окном в «экзотический» местный мир. Тем не менее, благодаря им такой застывший во времени «очищенный» быт стал олицетворением местной культуры – то, что было временно, осталось навсегда. Альбом не отражал эмпирической реальности, разнообразия и быстро меняющейся динамичной жизни местного колонизированного населения, наоборот, при просмотре фотографий у людей складывалось впечатление статичного неизменного существования, которое стало называться традиционным, в то время как постановка, порядок и тематическое расположение фотографий в альбоме отражали идеи фотографа о гендере, прогрессе и современности и запечатлели временный момент как постоянный. Традиционный образ жизни, цель которого – сделать нашу жизнь приемлемой и значимой через постоянную (экологическую) адаптацию к изменяющейся человеческой и нечеловеческой среде, стал ресурсом эссенциализма (примордиализма) неподвижного прошлого, которое было либо своеобразным и интересным, либо нежелательным и вредным. Прошлое, как и традиции населения, всегда определялось наблюдателем, который обозначал их отправную точку. В результате народы как нации, будучи эпистемологическими продуктами этнографии, стали жить своей дискурсивной жизнью в качестве примордиальной данности.

С 1730-х годов, и особенно в XIX в., путешественники и военные представляли и описывали «степь» как землю, предназначенную для русских крестьян, освобожденных в 1860-х годах: как землю для людей, у которых нет земли¹¹. Степь была одним из центров российской имперской экспансии, включавшей военные завоевания и миграцию поселенцев. Согласно колониальным этнографическим описаниям, степь была «едва заселена нецивилизованными» кочевниками. Хотя они и имели отношение к земле (они на ней жили), они не ценили ее должным образом: они не владели, не возделывали, не развивали и не осваивали землю. Их поведение не соответствовало стремлениям, характерным для эпохи Просвещения и желанию России быть частью этой эпохи. По мнению Стивена Сабола (2017), русский имперский проект в Центральной Азии был одновременно и похож на проекты других империй и их колониальных экспансий, и в то же время отличался от них. Например, в то время как экспансия США была обусловлена не только политико-экономическими стимулами, но и стремлением страны отличаться от европейских государств, основой экспансии России было желание показать свое сходство с Европой: Россия хотела быть наравне с другими европейскими империями (Sabol 2017: 141). Другими словами, Россия никогда бы не стала европейской страной без завоевания Центральной (Евр)Азии (и Кавказа). К сожалению, исполнение ее желания длилось недолго. Через три десятилетия уникальность России, ее коллективизм и то, что С. Сабол называет «идеалом российского аграрного общества» (Ibid.: 142), привели к тому, что ее преемница – Советская Россия – стала олицетворением альтернативы капиталистическим и индивидуалистическим европейским ценностям Европы и Америки.

Имперская география управления населением, находящимся под протекторатом, осуществлялась посредством военных договоров с представителями местной элиты (например, Ignatiev 1984). К оседлым общинам нерусского Туркестана, «менее отсталым», чем кочевники, нужно было относиться более внимательно из-за их отношения к земле: они владели землей, обрабатывали ее и вписывались в «идеал российского аграрного общества». Этнографические сведения об этих общинах были чрезвычайно важны для имперской географии управления, особенно ее политических и экономических аспектов.

Производство этнографических (и географических) знаний требовало не просто интеллектуальных усилий, но было напрямую связано с военными завоеваниями¹². Например, А.Л. Кун опубликовал один из докладов, который назвал «статьей», об оседлом населении Ферганской долины в «Военном сборнике» (Кун 1876). Он является автором большого количества этнографических исследований об оседлых общинах. Во многих из них описывается сопротивление местного населения колониальной политике России. В 1910 году в *Kaufmann Collection* (рус. «Коллекция К.П. фон Кауфмана») (публикация, названная в честь «генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I, завоевателя Туркестана») был опубликован сборник этнографических материалов о местном населении. Некоторые исследователи (см., например, *Gorshenina 2004*) подробно описывают роль генерала фон Кауфмана не только как завоевателя, но и как мецената, спонсировавшего несколько местных археологических проектов, а также отмечают его вклад в распространение знаний о местном наследии. Тем не менее, факт остается фактом: имперская образная/воображаемая география Центральной (Евр)Азии посредством этнографических исследований (включая фотофиксацию и сбор артефактов) и имперская география управления регионом с ее военной/исторической составляющей формировались во взаимодополняющем процессе. Другими словами, производство этнографических знаний не могло бы произойти без Российской военной мощи и завоеваний, и наоборот. Появление Российской империи и этнографии, превращение этнографии в науку и ее институционализация, были тесно связанными процессами, которые шли рука об руку и сопровождалась применением военной силы.

Непредвиденные последствия взаимосвязи империи и этнографии

У военных завоеваний и последовавшего за ними вхождения (и вписания) Центральной (Евр)Азии в состав Империи были предвиденные и непредвиденные последствия. Если речь, разговор и беседа являются действиями (так как имеют ожидаемые последствия), то писать об этнографических различиях – это тоже действие. В свою очередь у каждого действия есть предвиденные и непредвиденные последствия.

Этнографы и ученые колониального периода писали о Центральной (Евр)Азии, наблюдали за изменениями в местных сообществах, вызванными колонизацией, начиная со смены продуктов питания, обстановки, оружия и военной одежды (например, *Olufsen 1911*) и заканчивая женской проституцией (*Наливкин, Наливкина 1886*). Однако, в целом, они не задумывались о своем участии в колониальном (и имперском) проекте; они видели (и многие документировали) насилие того периода через призму, которая оставляла их самих за кадром. На мой взгляд, на будущем этнографии это может сказаться как положительно, так и отрицательно. Наиболее негативным последствием такого не-рефлексивного производства знаний стало утверждение концепции «очищенных» местных обычаев и позднее «традиций», «наций», «культуры» и «этнуса» как никогда не меняющихся. Нынешние местные национальные/националистические правительства, в том числе правительство Российской Федерации, продолжают использовать такой дискурс о традициях (нациях, культурах, этносах), чтобы укрепить в обществе традиционалистское мировоззрение. Другим непредвиденным последствием такой колониальной этнографической работы стал данный ими импульс к критике универсальности самой российской (европейской, советской и так далее) современности. Описывая различия и разнообразие между людьми и их образом жизни, понятиями о справедливости и ценностях, этнографы Центральной (Евр)Азии всегда бросали вызов, даже если не намеренно, предположению о том, что европейские, российские, а затем и советские ценности и их соответствующие цивилизаторские миссии были универсальными и/или всегда несли благо.

Мария и Владимир Наливкины являются авторами труда «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», который был написан на русском языке, опубликован в Казани в 1886 г. и переведен на английский язык Марианой Марковой и Марианной Кэмп в 2005 г.¹³ Это – показательный пример запутанной и, казалось бы, парадоксальной связи между этнографией/антропологией Центральной (Евр)Азии и колониализмом. Данный этнографический очерк, написанный в эпоху колониализма, является превосходным примером русского ориентализма, детально описывающего повседневную жизнь местных жителей, в частности, женщин-сартов, и общественных учреждений в деревне Нанай (Ферганской области Туркестана). В то время исследования Наливкиных не имели себе равных (и во многих случаях до сих пор не имеют) с точки зрения времени, которое они провели, изучая и общаясь с населением, и благодаря их опыту семейной жизни, который помог им сойтись с местным населением и понять его. Они прожили в деревне шесть лет, изучали язык, воспитывали детей, носили местную одежду, ели национальную еду и собирали информацию с помощью этнографических методов. Хотя в то время включенное наблюдение еще не считалось методом, с помощью которого этнографические исследования отличались от других исследовательских парадигм, однако точность и детальность информации, которые Наливкины получили, могли быть достигнуты лишь посредством долгосрочного включенного наблюдения и владения местным языком, дававшим возможность проводить интервью и собирать фольклор¹⁴.

Изучение быта местных женщин – необычная тема для научных работ того времени – отражало не только исследовательский интерес этой ученой пары, но и их способность собирать информацию в социальной среде, разделенной по половому признаку. Поэтому нельзя недооценить роль Марии Наливкиной в этом «Очерке» и ее возможность входить в укромные уголки женской жизни. Без нее невозможно было бы узнать интимные детали личной жизни, желаний и историй местных женщин. Хотя в «Очерке» авторы представляют женщин-сартов как группу населения – представляют обобщенно, а не как личностей – и различают их только по классовому и социальному положению¹⁵, такая групповая направленность, на мой взгляд, отражает необходимость обобщений, неизбежную в классификационном подходе, типичном для того времени.

Многое в «Очерке» можно подвергнуть критике, но он вместе с этим является богатым источником информации для нашего критического подхода к становлению образной/воображаемой географии и географии управления империи в Центральной (Евр)Азии. Необходимо подчеркнуть, что этот очерк отличается от других этнографических исследований и (псевдо)этнографических работ того времени. Например, благодаря подробному описанию повседневной жизни женщин-сартов, их решениям и действиям, читатель может увидеть их неоднозначную позицию в семье и обществе. В описании Наливкиных местные женщины выходят за рамки образа XIX в. и проявляют себя как активные действующие лица, которые знают, чего хотят, и используют доступные им средства для достижения своих целей. Это чрезвычайно интересно, поскольку и в наши дни стереотипы об «угнетенных» мусульманских женщинах (как тотальность) все еще очень медленно пересматриваются как представителями СМИ и разнообразными политическими экспертами, так и академической и университетской наукой.

Более того, исследователи XIX и XX вв. зачастую впадали в заблуждения, пытаясь объяснить действие или бездействие мусульман с точки зрения их религиозной самобытности; такую ошибку часто совершают и некоторые наши современники. Этнографическое описание бытовой жизни и рассмотрение местной мифологии и устных традиций показывают, что человеческие поступки населения в Нанайе не были предопределены религией, историей, экологией

или классовой принадлежностью. У этих поступков, порой изобретательных и неожиданных, не было одной-единственной причины. Хотя авторы также включили в работу довольно подробное и продолжительное исследование стихов Корана о женщине, их этнографические примеры демонстрируют, что религия служила источником информации, но не определяла решения людей, их выбор и действия. По мнению авторов, местные формы социального контроля, а именно сплетни и страх позора, часто брали верх над религиозными чувствами в том, что касалось индивидуального и социального поведения населения. (Насколько это остается правдой в наших общинах в XXI в. – это интересный вопрос.)

Наливкины пытались сравнить быт русских и сартов (не только женщин) и показать не только различия, но и сходства. В «Очерке» они используют сравнение и аллюзию – «как в России» – и представляют образ жизни сартов как иной, но в то же время понятный русскоязычному читателю, в то время как большинство современных им авторов в своих трудах предполагали и пропагандировали непреодолимое различие между «нами» и «ними», русскими и нерусскими подданными колоний. Это сравнение («как в России») и относительно благожелательное изображение местных жителей могли быть результатом жизни именно с оседлыми общинами, а не какими-либо другими народами региона: оседлые сарты не были изображены и восприняты как «злые киргизы». Тем не менее, какими бы своеобразными ни были некоторые местные обычаи для российских колониальных исследователей XIX в., представленные материалы показывают, что, как и русские, эти народы разделяли одни и те же потребности (в еде, жилье, а также сексуальные потребности), сталкивались с аналогичными проблемами (например, классовым разделением) и находили аналогичные решения (например, проституция). Для Марии Наливкиной женщины-сарты были такими же притесняемыми жертвами, как местные мужчины или женщины в имперском центре. Кроме того, по мнению авторов, статус любовниц в России был сопоставим с многоженством в Туркестане; и в некоторых случаях женщины-сарты обладали большей властью, чем женщины в центре империи. Следовательно, хотя этнографический анализ авторов был этноцентричным и русоцентричным, авторы, открыто или нет, рассматривали некоторые местные традиции как более *прогрессивные*, чем российские.

Колониализм изменяет не только колонизируемых, но и колонизаторов. Прямым или косвенным образом, материалы очерка противостоят существующим стереотипам о коренном населении региона как фанатичном, неуправляемом, порочном и нецивилизованном. Временами Наливкины оказываются как бы очарованы местной «аутентичной культурой». Но, показывая, как колониальное управление России разрушало эту «аутентичную культуру» сартов и описывая текущие социокультурные изменения, сопровождавшие это колониальное завоевание, Наливкины все более критично относятся к колониализму. По мнению авторов, некоторые социальные изменения, принесенные Империей, были не прогрессивными, а наоборот отсталыми – регрессивными. Их внимание к социальным переменам ломает стереотип колонизированного общества как застывшего во времени и пространстве и показывает его как динамичную социокультурную среду с уже существующими и возникающими социальными конфликтами. Благодаря примерам, которые описывают Наливкины, читатель может усомниться в распространенном в то время социальном эволюционизме, который предполагал прямолинейное развитие от простых (технологически и морально отсталых) до сложных (технологически и морально передовых) обществ, в результате чего существующие «примитивные» общества, такие как в Центральной (Евр)Азии, служили примером более ранних стадий развития сложных обществ, таких как в России и Европе. Действительно, по прочтении очерка читатель может задаться вопросом, был ли русский цивилизационный проект этичным или необходимым в Туркестане.

В этом очерке я не собиралась восхвалять работу Наливкиных (хотя я ею восхищаюсь). Моей целью было показать и привести примеры того, как и почему колониальный «Иной» – отличающийся, иногда угрожающий, иногда экзотичный, но всегда неполноценный – является символом и материальным продуктом (а не причиной) формирования этнографии как дисциплины. Ученые-этнографы создали «Дикаря» и помогли посредничать в управлении «Иными», а этнография была не только инструментом империи, но и способствовала ее формированию. В то же время сама дисциплина утвердилась в процессе имперской экспансии и укрепления.

Что делать? Мой ответ

Несмотря на тяжелое бремя этого колониального и имперского прошлого, я верю, что у этнографии есть будущее. Это будущее начинается с перехода от текстологической критики отдельных этнографических работ к переосмыслению того, какой этнография должна быть/выглядеть в будущем. Если мы, этнографы, антропологи и археологи причастны (в прошлом или сейчас) к растущей волне расизма, токенизма, шовинизма и национализма, угрожающим поглотить каждого из нас и наши запутанные неординарные и разнообразные истории и жизни, то нам нужно действовать и действовать здесь и сейчас. Если мы можем признаться в постоянном производстве инаковости, может быть, результаты нашей работы перестанут делить мир на своих и чужих, на нас и вас, на русских и нерусских, на белых и черных и т.д. Уже в XIX в. мы знали, что традиции были созданы, а если мы не прояснили это тогда, мы должны разъяснить это сейчас. Нам нужно не молчать о нашей причастности к имперским проектам тогда и сейчас, здесь и там (в Центральной (Евр)Азии, на Кавказе и т.д.). Не менее важно отменить ограниченную географическую и тематическую специализацию каждого антрополога (например «Африканист» или «Египтолог»), а также наше позиционирование в качестве «экспертов» в отношении местных «людей» и «общества». Направление знаний и исследований в основном с Севера на Юг не только колониально и империалистично, но уже совсем устарело: Югу есть чему научить Север, и Востоку – Западу, и точно так же как мы должны критически относиться к называнию этих не географических, а геополитических и далеко не универсальных категорий.

Необходимо признать, что Центральная (Евр)Азия, как и Туркестан, является геополитическим полем. Из-за сосредоточивания внимания на одной стране или одном регионе – на одном геополитическом поле – мы не увидим полностью глобальное неравенство и перемещение людей, идей, товаров и разделение власти между странами и континентами. Например, последние исследования миграции и религиозной деятельности демонстрируют, что существует другой способ мышления о нашем повседневном существовании за пределами дискурсивно построенных границ и рамок¹⁶.

Исследовательские проекты не должны (но могут по выбору) отражать страны происхождения исследователей. Ученым с Кавказа и/или из Центральной (Евр)Азии не обязательно проводить исследования только постсоветского пространства. Они могут писать этнографические работы в бывших и нынешних имперских центрах и публиковать их на местных языках – их родных и зарубежных. «Исследования наоборот» – из периферии в центр, а не из центра в периферию – многообещающий тренд в будущем этнографии¹⁷. И, наконец, этнографы никогда не бывают одинокими волками. Давным давно нужно было это признать. Как показывает ряд недавних исследований, опубликованных порталом «Открытой демократии», равноправное сотрудничество – это будущее (любого) исследования (этнографического или нет)¹⁸.

На примере «Очерка» Наливкиных мы видим, как российская этнография периода колониализма показывает, что независимо от всех препятствий, ученые-этнографы могут бросить вызов бывшим и нынешним имперским проектам. Вместо того, чтобы время от времени признавать наши ошибки, мы могли бы принять активное участие в устранении слепых зон, которые наша дисциплина помогла создать и которые ведут к большему фрагментированию нашего мира – к шовинизму, расизму, сексизму и гомофобии: к миру, который делится на западных и российских, среднеазиатских и российских, восточных и западных, южных и северных, (им)мигрантов и не (им)мигрантов, богатых и бедных, и (только) на мужчин и женщин. Когда речь заходит о будущем этнографии/антропологии Центральной (Евр)Азии, эти задачи еще не решены.

Примечания

¹ Я не собираюсь детально описывать, в какой степени и почему советский режим был колониальным. Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Более подробно на эту тему писали: Martin T. *The Affirmative Action Empire: National and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001; Morozov V. *Russia's postcolonial identity: A subaltern empire in a Eurocentric world*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015; Tlostanova M. *Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drives* // *Cultural Dynamics* 27, No 2. 2015; Абашинов С. Советское=колониальное? (За и против) // *Понятия о советском в Центральной Азии* / Ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Альманах Штаба, 2016. Я хочу заметить что Советский Союз был многонациональным государством, где был создан образ «нерусских» как всегда уступающих «русским», даже если эти «нерусские» превосходили последних в экономическом плане.

² Хотя я считаю Кавказ своей родиной, я признаю, что являюсь потомком как коренного населения, так и колониального поселенца, а также смесью наций и национальностей, которые представляют собой эпистемологические продукты этнографии, а не примордиальные данности.

³ Исходя из моих знаний, в СССР термин «антропология» использовали применительно к физической антропологии и археологии. Например, см. Заднепровский Ю.А. Об этническом составе населения древней Ферганы // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1956. № 61. С. 39–44.

⁴ Начиная с Петра I, российские монархи нанимали ученых из Германии для изучения ресурсов империи, в том числе ее народов.

⁵ В автобиографическом романе «Записки из Мертвого дома» (1860–1862) отражено сложное отношение Ф.М. Достоевского к этнорелигиозному разнообразию империи, а также то, что главной проблемой на пути к национальному единству он считал не этничность, а классовое разделение.

⁶ В 1717 году Кунсткамера в Санкт-Петербурге (Россия) стала хранилищем подобных артефактов. В настоящее время Кунсткамера переименована в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. Позже в Государственном Эрмитаже также были собраны различные коллекции (Simmons 2016. P. 141).

⁷ Д. Андерсон и Д.В. Арзютов (Anderson, Arzyutov 2019) провели анализ «этнуса» как концепции, возникшей в результате подобного процесса и сопутствующего дискурсивного подхода в его дальнейшем использовании в советской этнографии.

⁸ Например, политика Петра I по отношению к боярам и их семьям. См.: Хорошилова О. *Русские травести в истории, культуре и повседневности*. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2021.

⁹ Для лучшего осмысления российского и советского имперского прошлого по отношению к другим европейским державам см.: Tlostanova M. *Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drives* // *Cultural Dynamics*. 2015. Vol. 27(2). P. 267–283.

¹⁰ Туркестанский альбом по распоряжению Туркестанского Генерал-Губернатора К.П. фон Кауфмана I-го. Часть этнографическая, туземное население в русских владениях Средней Азии. Составил А.Л. Кун. 1871–1872 г. Лит. Военно-Топогр. Отделение Туркест. Воен. Округа. С материалами можно ознакомиться по ссылке: https://www.loc.gov/r/print/coll/287_turkestan.html (дата обращения: 12.04.2021).

- ¹¹ Этот образ сохранился в советские времена и достиг кульминации в 1950–60-е годы благодаря комплексу коллективных усилий по развитию сельского хозяйства, известному как «Освоение целины».
- ¹² Нужно заметить что в основном так называемые «научные работники» были военными офицерами.
- ¹³ Владимир Наливкин был Российским военным офицером. Его жизнь хорошо описывает Сергей Абашин в своей статье. См.: Абашин С. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» // Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М.: Издательский дом Марджани, 2015.
- ¹⁴ Я не утверждаю, что Наливкины были первопроходцами и/или выдающимися учеными, когда дело касалось этнографических исследований. Во многих местах большое количество управленцев колоний могли похвастаться такой близкой связью с местным населением.
- ¹⁵ Данный принцип, как и признание различий в классе и статусе, был широко распространен среди исследователей XIX и XX вв.
- ¹⁶ Например: Reeves M. *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*. Cornell University Press, 2014. Абашин С. «Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане.» *Ab Imperio*, 2015. No 3. С. 125–165. Roche S. «Faceless Terrorist: A Study of Critical Events in Tajikistan». Springer, 2019.
- ¹⁷ Например, в конце 1960-х годов два нигерийских коллеги французского этнографа и режиссера Жана Руша, Дамур Зика и Лам Ибрагим провели обратную этнографию французской (колониальной и имперской) культуры, задокументированную в «Petit à Petit» (рус. «Мало-помалу») (1969). Для краткого ознакомления см.: <http://icarusfilms.com/if-lbl> (дата обращения: 12.04.2021).
- ¹⁸ См.: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/when-your-field-also-your-home-introducing-feminist-subjectivities-central-asia/> (дата обращения: 01.06.21).

Пер. с англ. Е.П. Фроловой

Научная литература

- Абашин С. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» // Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М.: Издательский дом Марджани, 2015.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М.: Русский язык, 1991.
- Заднепровский Ю.А. Об этническом составе населения древней Ферганы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. № 61. С. 39–44.
- Кун А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине // Военный сборник. Год 19. 1876. № 4. С. 417–448.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3 томах. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832.
- Наливкина М., Наливкин В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, Типография Имп. Казанского университета, 1886.
- Хорошилова О. Русские травести в истории, культуре и повседневности. Москва: издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2021.
- Abdurakhimova N.A. The Colonial System of Power in Turkistan // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34 (2). P. 239–262.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V. The Ethnos Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60 (6). P. 741–753.
- Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire // *The Cambridge History of Russia: Imperial Russia, 1689–1917* / Ed. by D. Lieven. Cambridge University Press, 2006. Vol. II. P. 202–226.

- Dwyer A.* Dostoevsky's Prison House of Nation(s): Genre Violence in "Notes from the House of the Dead" // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71(2). P. 209–225.
- Elfimov A.* Russian Ethnography: Dilemmas of the Present and the Past // *Anthropological Yearbook of European Cultures*. 2007. No 16. P. 77–110.
- Geraci R.* Genocidal Impulses and Fantasies in Imperial Russia // *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History* / Ed. A.D. Moses. New York: Berghahn, 2010. P. 343–371.
- Glissant E.* *Caribbean Discourse: Selected Essays*. Charlottesville, University of Virginia Press: 1989.
- Gorshenina S.* Private Collections of Russian Turkestan in the 2nd Half of the 19th and Early 20th Century, ANOR-15 (Institut für Orientalistik, Halle, Mittelasienswissenschaft Humboldt-Universität, Berlin, Université de Lausanne). Berlin Klaus Schwarz Verlag, 2004.
- Hirsch F.* *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press, 2005.
- Ignatiev N.P.* Mission of [Count] N. P. Ignat'ev to Khiva and Bukhara in 1858. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1984.
- Levshin A.* Observations on the Qazaqs // *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources* / Ed. by S.C. Levi and R. Sela. Indiana University Press, 2010. P. 292–295.
- Olufsen O.* *The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara*. Copenhagen: Gyldensdalske Boghandel, Nordisk Forlag, 1911.
- Sabol S.* *The Touch of Civilization: Comparing American and Russian Internal Colonization*. University Press of Colorado, 2017.
- Said E.* *Orientalism*. London: England Penguin, 1988.
- Simmons J.E.* *Museums: A History*. Rowman & Littlefield Publishers, 2016.
- Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. 1994. No 47. P. 170–195.
- Tlostanova M.* Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drive // *Cultural Dynamics*. 2015. Vol. 27(2). P. 267–283.
- Trouillot M.-R.* *Global Transformations: Anthropology and the Modern World*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2003.

Research Article

Peshkova, S. My views on and assessment of existing connections between Central (Eur)Asian ethnography/anthropology and (post)colonialism [Moe mnenie i otsenka sushchestvuiushchikh svyazei mezhdru etnografiei/antropologiei Tsentralnoi (Evr)Azii i (post)kolonializmom]. *Anthropologies*, 2022, no 1, pp. 52-67, doi 10.33876/2782-3423/2022-1/52-67

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

SvetLana Peshkova | <https://orcid.org/0000-0002-0067-8829> | s.peshkova@unh.edu | University of New Hampshire, Durham, New Hampshire, USA

Keywords

Colonialism, Russian Empire, Central (Eur)Asia, ethnography, anthropology, Turkestan, steppe, history

Abstract

The connections between Central (Eur)Asian ethnography/anthropology and colonialism are complex and seemingly paradoxical. Russia's Imperial ambitions and military conquest of the region helped to professionalize and institutionalize ethnography as a discipline. At the same time, by describing the variation among humans and these periphery populations' byt (lifeways), sensibilities, and values, Central (Eur)Asian ethnography always provided a challenge, even if not intentional, to an assumption of universality when it came to the European, Russian, or Soviet values, and their respectful civilizing missions.

References

- Abashin, S. 2015. V.P. Nalivkin: «...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...» [V.P. Nalivkin: What Will Be, Will Inevitably Be, What Must Be, Cannot But Be...] *Polveka v Turkestane. V.P. Nalivkin: biografiia, dokumenty, trudy* [Half a Century in Turkestan. V.P. Nalivkin: Biography, Documents, Works]. Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani.
- Abdurakhimova, N.A. 2002. The Colonial System of Power in Turkistan, *International Journal of Middle East Studies*, 34 (2): 239–262.
- Anderson, B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Anderson, D.G., Arzyutov, D.V. 2019. The Ethnos Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept, *Current Anthropology*, 60, 6: 741–753.
- Bobrovnikov, V. 2006. Islam in the Russian Empire, *The Cambridge History of Russia: Imperial Russia, 1689–1917*. D. Lieven (ed.). Cambridge University Press, II: 202–226.
- Dal', V. 1991. *Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], 4. Moscow: Russkii iazyk.
- Dwyer, A. 2012. Dostoevsky's Prison House of Nation(s): Genre Violence in "Notes from the House of the Dead", *The Russian Review*, 71, 2: 209–225.
- Elfimov, A. 2007. Russian Ethnography: Dilemmas of the Present and the Past, *Anthropological Yearbook of European Cultures*, 16: 77–110.
- Geraci, R. 2010. Genocidal Impulses and Fantasies in Imperial Russia, *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History*, A.D. Moses (ed.). New York: Berghahn: 343–371.
- Glissant, E. 1989. *Carribbean Discourse: Selected Essays*. Charlottesville, University of Virginia Press.
- Gorshenina, S. 2004. Private Collections of Russian Turkestan in the 2nd Half of the 19th and Early 20th Century, *ANOR-15* (Institut für Orientalistik, Halle, Mittelasienswissenschaft Humboldt-Universität, Berlin, Université de Lausanne). Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press.
- Ignatiev, N.P. 1984. *Mission of [Count] N. P. Ignat'ev to Khiva and Bukhara in 1858*. Newtonville, MA: Oriental Research Partners.
- Khoroshilova, O. 2021. *Russkie travesti v istorii, kul'ture i povsednevnosti* [Russian Travesty in History, Culture and Everyday Life]. Moscow: Izdatel'stvo "Mann, Ivanov i Ferber".
- Kun, A.L. 1876. Nekotorye svedeniia o Ferganskoi doline [Some Notes on the Fergana Valley]. *Voennyi sbornik*, 19, 4: 417–448.
- Levshin, A. 2010. Observations on the Qazaqs, *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources*. S.C. Levi and R. Sela (eds.). Indiana University Press: 292–295.
- Levshin, A.I. 1832. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [The Description of the Kirgiz-Kazack or Kirgiz-Kaizakh hordes and steppes]. Saint Petersburg: Tip. Karla Kraiia.
- Nalivkina, M., and V. Nalivkin. 1886. *Ocherk byta zhenshchiny osedlogo tuzemnogo naseleniia Fergany* [An Outline of the Way of Life of a Woman from the Settled Indigenous Population of the Fergana]. Kazan':

Типография Imp. Kazanskogo universiteta.

- Olufsen, O. 1911. *The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara*. Copenhagen: Gyldensdalske Boghandel, Nordisk Forlag.
- Sabol, S. 2017. *The Touch of Civilization: Comparing American and Russian Internal Colonization*. University Press of Colorado.
- Said, E. 1988. *Orientalism*. London: England Penguin.
- Simmons, J.E. 2016. *Museums: A History*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Slezkine, Y. 1994. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity, *Representations*, 47: 170–195.
- Tlostanova, M. 2015. Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drive, *Cultural Dynamics*, 27, 2: 267–283.
- Trouillot, M.-R. 2003. *Global Transformations: Anthropology and the Modern World*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Zadneprovskii, Iu.A. 1956. Ob etnicheskom sostave naseleniia drevnei Fergany [On the Ethnic Composition of the Population of the Ancient Fergana Valley] *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 61: 39–44.